

"Прикосновение кожи к коже"

Эти слова Сергея Ольшанского прозвучали во время репетиции перед выходом на сцену и послужили поводом для беседы после его блистательного выступления в преддверии записи альбома "ОТРАЖЕНИЯ СТРЕЛ", необычного по своей структуре и завораживающего по стилю подачи и содержанию.

— **Сергей, когда Вы осознали себя музыкантом?**

— Когда я понял, что музыка — это бесконечное путешествие.

— **Почему перкуссия?**

— Это инструмент особенный, он требует мышления "поперёк" музыкальной темы, тем самым её подчеркивая, оттеняя. Мне изначально нравились ударные. Это наиболее выразительные и наиболее древние инструменты. К тому же перкуссией может служить любой звучащий предмет, если уметь на нём играть, чувствовать.

— **Образы музыкальные как рождаются?**

— В особенности джазовые пьесы — из тишины... Для любого инструмента. И затем начинает вырисовываться общий образ произведения, свободно его обыгрываешь. Перкуссия сама рассказывает истории и "играет тебя".

— **Где живёт вдохновение?**

— Сыграть можно всё, начиная от обычной сценки на улице или вещи, вызвавшей эмоциональный отклик, заканчивая океаном. Ночь тоже похожа на океан.

— **То есть не обязательна тяга к переменам мест?**

— Скорее — к перемене состояний.

— **Барабан — инструмент дикий, как вы с ним справляетесь?**

— С инструментом нужно говорить.

— **Что даёт владение инструментом?**

— Возможность высказываться на инструменте даёт дополнительную степень свободы и как следствие — возможность услышать мир таким, каков он есть на самом деле...

— **Что чувствуете в первую очередь, когда удаётся сыграть?**

— Благодарность.

— **А как думаете: предки ваши шаманствовали?**

— Думаю, что предки пока довольны, а там видно будет.

— **Как встретили миллениум?**

— Так, как мечтал — на сцене. Это было в "Рэгтайме". Мы начали играть в 11 и закончили под утро, к пяти. Накануне было пасмурно и мокро. Когда же мы утром вышли на улицу, шёл обильный снег и по высоте уже достигал колена.

— **Нашаманили!**

— Вот именно!

— **Ваша пластика завораживает. Будто руки уже сами помнят и рисуют настроение и проявляют черты.**

— Есть особенности звукоизвлечения: это и работа, и индивидуальный характер исполнителя, такой "пластический портрет". Об этом с некоторых пор уже не задумываешься: существует момент наивысшего слипания, когда становишься проводником идущего сверху и в какой-то момент обнаруживаешь, что руки играют сами, а ты наблюдаешь.

— **Сцены не боялись?**

— Наоборот. Так вышло, что, оказавшись впервые на сцене ещё в самостоятельном студенческом театре политеха, я почувствовал себя более чем комфортно и всегда знал, что это "моё". Известный барабанщик проекта "Мэгнэтик Бэнд" Гунар Грапс говорил: "На сцене себя нужно вести, как дома, а в студии — как на дипломатическом приёме".

— **Каковы же были ранние проявления интереса к музыке?**

— Не помню всего, разве что попавшийся мне на глаза в третьем классе привезенный отцом из рейса диск Тома Джонса, то, какое яркое впечатление оставил он в моей душе. Конечно, тогда я ещё многого не понимал и не знал, но до сих пор помню это ощущение от его нежной мощи голоса, открытой манеры исполнения, дополняющий нервный синкопированный ритм. Одно же из того, что запомнилось маме, преподавателю гармонии и музыкальной литературы в школе Столярского, это моё неожиданное желание в отрочестве прослушать оперу "Хованщина", которую не все и более взрослые учащиеся могли

осилить. В целом раннюю способность почувствовать, понимание сложной музыки.

— **Наверное, вместо "войнушек" в музыканта играли?**

— Угадали! И сооружения из нехитрых предметов превращались в микрофоны, усилители и барабанную установку. И перевоплощался. И был на десятом небе от счастья. Я не просто двигался под музыку, подпевая, но постигал послы этой песни, то настроение, которым она окрашивает реальность вокруг себя. Потом от подражания шагнул на ступень выше, раздобыл палочки — вот тут-то для родителей начались тяжёлые времена: я барабанил на всём, откуда можно было извлекать звуки; а также были принесены в жертву мамыны бусы для роли шейкера в этом чарующем действии.

— **Эта конструкция, именуемая "барабанной установкой", перкусионная лаборатория, авторской работы?**

— Изначально за основу была взята тренога старого этюдника, впоследствии обросшая крепежами, тарелками, и кол-беллами, и всевозможными звучащими элементами, а с течением лет преобразовывалась в зависимость от строя и формы инструментов.

— **Что происходит на концерте?**

— Многократный взаимообмен энергией, с отдачей такой силы, такого качества волны... Как будто занимаешься любовью со всем залом одновременно. А лучшая оценка зрителя — это последующая тишина...

— **Ваш слушатель — это...**

— В лучшем случае — человек тонкий и открытый, не ограниченный однообразными схемами, свободный во многом. Тогда происходит степень близости, равная доверию. А вообще радостно, когда твоя музыка "цепляет", пробуждает человека. Но не всегда адресат — человек.

— **Музыка сопровождает Вас, как это проявляется?**

— Просто можно идти по городу и вслушиваться в его симфонию. Всё звучит. Всё живое. Это ещё индейцы знали.

— **То есть Ваш опыт познания происходит сквозь музыку?**

— Да, главным образом.

— **Вы живёте в музыке. В данный момент на каком этапе?**

— Один из них — пытаюсь прочувствовать этнические моменты в звучании своего инструмента.

— **Чем отличается музыкант от любителя?**

— Музыкант берёт на себя ответственность за пьесу, а любителю главное — хорошо провести время.

— **Что неприемлемо в исполнении?**

— Как и в партии любого инструмента — мелодичность. И, соответственно, наоборот.

— **То есть и на перкуссии, вопреки распространённому заблуждению, можно создать мелодию?**

— Безусловно.

— **Какова задача настоящего музыканта?**

— Войти в ритм, совпасть с мирозданием, полностью внимая этому миру, и тогда мир по закону отражения полностью станет внимать тебе.

— **Что ещё помнится из наиболее радостных фрагментов выступлений и событий?**

— Каждый миг, фрагмент по-настоящему уникален. Вот, например, отработывая приёмы аппликатуры рук и звукоизвлечения на даче под открытым небом, в какой-то момент понял, что мы играем вместе... Знаете ли, цикада большую часть своего времени проводит под землёй. В её горле расположены две пластины, воспроизводящие звук. Проживая под землёй почти всю жизнь, в последние три дня, выйдя на поверхность, цикады заливаются пением и так и умирают, это их предсмертная песня. Четкой кодой включилась партия соседской собаки.

— **Как бы Вы проиллюстрировали поколение восьмидесятых — девяностых, ту богему? Основные черты этого портрета?**

— Это был в прямом смысле андерграунд: сборища в подвалах, на квартирниках. Одно из таких "культурных" мест было на улице Подбельского, 5, так называемый "салон", у Оли Бековой, где круглосуточно двери не закрывались. Всё было внове тогда для нас. И главное — не боялись экспериментировать в искусстве. При этом что-то человеческое было во всём этом. Бесшабашность тире бесстрашие, несмотря на лицемерие эпохи и попыт-

ки контроля общественности, на фоне всего этого — атмосфера искренности и поиска. И сам возраст к тому располагал, смутно зарождающееся в каждом творческое "я", которому большинство даже не придавали значения поначалу, будто это временное явление. Для кого-то так и осталось это временным, кто понял, что "это не его", кто-то засбоил, быстро сгорел... Общая черта была — большие искренние надежды и амбиции. Мечтали. Кто-то был более, кто-то менее талантлив, кто-то отдавал себе в этом отчёт, кто-то нет. Тогда царил миф о столице. Были и разочарования, и удачи, но и это растило и формировало личность. Самые сильные как минимум не деградировали, а те, кто выжил — большая удача.

— **Было единство?**

— Единство может быть в армии, например, или на параде. По-настоящему человек, который что-то собой представляет и мыслит нестандартно, не может быть в хороводе. Но мы пересекались, сходились в самом главном: попытке полного и бескомпромиссного растворения в искусстве.

— **Чему научило Вас это время?**

— Научило обходиться малым — во всём. Начиная от быта, заканчивая общением, появилась избирательность. К слову, "те, кто остались", в принципе, ведут довольно замкнутый образ жизни: мы своё "отгорели" тогда. А закат эпохи сбросил "розовые очки с глаз" полностью, во всём, и как результат — научил выхватывать самую суть всего.

— **На обложке диска — Ваш рисунок. Второе Ваше образование — худграф. Что для Вас изобразительное искусство?**

— Я поступил на графическое отделение уже после армии. Первая выставка успешно состоялась на третьем курсе, совместно с одним из сокурсников. У нас купили почти все работы, одну даже утанули. Рисование сопровождало меня всю жизнь, как ещё одно любимое естественное проявление меня. Музыка, конечно, вытесняла станковое искусство, приоритеты изначально сместились в её пользу.

— **Расскажите о проектах, в которых Вы работали.**

— Начиная с барабанной установки в отрочестве и занятий с талантливым одесским педагогом Н.И. Лисицей. Позже, будучи в армии на Востоке, столкнулся с азиатскими бубнами и различными инструментами, где звук извлекается непосредственно руками. Но, поскольку ни специальной литературы, ни школы перкуссионистов у нас в городе не было, пришлось учиться самому, в том числе — по видеосколам. Они дали базовые, так называемые "стандартные приёмы", дальше сам.

В итоге моя квартира на площади Потёмкинцев, 5 превратилась в своеобразную творческую лабораторию, куда в течение четырёх лет по уик-эндам собирались и мои друзья, тоже пробовавшие и искавшие себя в музыке, и мы играли "спонтанную музыку", это когда тема рождается во время игры. Постепенно слух об этих "джерсейшпах" прошёл по городу и привлек разношерстную публику, начиная от консерваторцев (обитателей музучилищ) и просто самородков "потусоваться".

На одном из таких сейшнов я познакомился с Сашей Бедрицим — Шмэком, пригласившим меня впоследствии к участию в одном из его проектов "Шмэк энд хиз фрэндз". Мы предложили слушателю эдакий "коктейль", где в равных пропорциях были смешаны и рок, и блюз, и элементы джаза и фанка. Всё это проходило на выставке Юрия Плисса и Анатолия Ерёмченко. Видеоматериал, один из самых наших удачных музыкальных перформансов, гениально отснял оператор Борис Годжулов. Эта съёмка, мастерская и впечатляющая, к слову, тоже так и осталась в формате VHS. В том числе играл на открытии выставки художника и искусствоведа Сергея Ильина и на открытии фестивалей, происходивших на территории Литературного музея осенью.

Далее меня пригласили играть в "Дельта мэдрик бэнд", и хотя здесь мы играли не свои, а кавер-версии чужих вещей, это дало хорошую школу "командной игры". Выступали в основном в "Рэгтайме", плюс ряд выступлений по одесским клубам. Помню концерт с презентацией "Бакарди". Такого количества рома в подарок мы не ожидали. Почти всю зиму скрашивали потреблением марочного. Нашу музыку любили. После трёх лет существования "ДМБ" распался, и я стал играть в проекте Мирослава Полищука "Чужие". Весьма камерный и серьёзный проект, оставивший отпечаток на моём музыкальном восприятии. Не побоюсь этой формулы — это

был камерный элитарный джаз в формате трио. Мы репетировали при Одесском университете, его клубе. Премьера программы была в малом концертном зале. Потом мы попробовали музыкально проиллюстрировать японскую поэзию, и таким образом родилась программа, чьё название было связано с Лунной, имевшая неожиданный даже для нас успех. Продолжили концертить в большом зале университета. Ещё играл с автором-исполнителем Сашей Лосевой в зале того же университета, о качестве проекта можно судить в том числе по реакции двух иностранных студентов из Ливии: вопрос о том, где можно купить диск с записью, и удивление по поводу отсутствия такового. Стоит упомянуть самый ранний достаточно интересный и самобытный проект, который назывался "Крамница мрий" Оксаны Цеоцоры. Там я работал с удивительной вокалисткой и автором песен Еленой Жаровой. И хотя он просуществовал около двух лет, выступлений было множество, в том числе и за пределами Одессы. После этого я взял тайм-аут: нужно было перевести дух после насыщенных выступлений и непрерывного скопления людей, побыть наедине с собой, осмыслить всё и главное — понять, в какую сторону двигаться дальше. В тайм-ауте я искал Музыку.

В дальнейшем происходили пересечения с различными интересными коллективами, яркими, более или менее известными. Особенно хочется упомянуть пространство "Джонатан" моего друга Натя Димитровой. На едином дыхании мы втроём с нашим флейтистом записали диск "Репетиция весны" и прозвучали в серии концертов. Это сотрудничество и ныне актуально, и только по техническим причинам мы не записали ещё как минимум несколько альбомов. Мой бесценный напарник Сергей Зиневич также автор грандиозного проекта "Планета Пустыня", который почти весь держится на барабанном ритме. И где помимо видеоряда, смонтированного на двух параллельных экранах, воссоздающих две реальности, и художественного "фоторепортажа" был включен балет-дуэт. Это явилось началом моего сотрудничества с мастером танца Татьяной Гришко. Но об этом проекте, прозвучавшем на сцене Большого театра и в Еврейском культурном центре, стоит рассказать отдельно. Кроме прочего, для меня интересно было и то, что в этом проекте сочинение партии перкуссии лежало на мне.

Глубокое впечатление на меня произвела музыкант Анастасия Кузьмина. Это скрипачка, которой подвластна широкая палитра инструментов, от классических до этнических и экзотических. С ней всегда интересно импровизировать, мы пересекались не в одном проекте. Потом в моей истории было несколько зарубежных контрактов (один из них — театральный). Затем — задача проиллюстрировать музыкально серию одесских литературных вечеров Южнорусского союза писателей, а также ряд фотовыставок. На данный момент — репетиция моего проекта "Под бумажной луной" с не совсем обычным составом... музыкантов.

И, что не удивительно, дебютом "Under the paper moon" явилась игра в мчащемся троллейбусе на одесской Ночи музеев.

— **Ваша игра по состоянию напомнила мне однажды французскую команду "Malicorne", что играет тонкую музыку со "средневековым уклоном".**

— Мы играем сложную музыку — по крайней мере, о себе мы слышим такие отклики, и в то же время наша музыка легко и непринуждённо вписывается в любой формат "культурного пространства". Вплоть до конца осени мы отыграли обоймой на выставках известных одесских художников, в том числе нашего друга Ольги Котовой; в клубах и культурных центрах. А уже летом нам удалось сделать демо. Помог прославленный маг звука Константин Пенчковский. Успели записать 11 вещей, что примерно соответствует объёму альбома. Музыку сочиняет наш гитарист в основном, а в остальном — импровизация каждого из нас. Это то интуитивное начало, показатель внутренней свободы. Не все могут импровизировать. Чтобы по-настоящему импровизировать, нужно быть достаточно открытым ещё — чтобы быть способным вместе, и искренним — чтобы уметь этим делиться. Что же касается перкуссии, мало кто знает о ней по-настоящему, даже те, кто в курсе, что фортепиано, как и родственной оному — цимбал, хоть и струнный, но ударный инструмент. Как и в фонетическом мире для слова, для перкуссии есть множество градаций, но она, как и настоящая поэзия, что обитает между строк, перехлестывает звукоградацией вибрацией запредельной. И область её звукоизвлечения: от мембраны — до целиком звучащего тела.

Вопросы задавала Алена ЩЕРБАКОВА.